

Роман Ф. М. Достоевского "Преступление и наказание" и статья Ф. И. Буслаева "Повесть о горе и злочасти, как Горе-злочаствие довело молодца во иноческий чин"

(Средневековые жанры в структуре романа)

Русская литература, No 3, 2004
OCR Бычков М. Н.

Воздействие жанров древнерусской литературы и культуры на структуру произведений Достоевского связано с самим существом творческого метода писателя, открывающего в сиюминутной действительности вечный смысл. В. Е. Ветловская давно заметила, что Достоевский часто брал древние источники "не из первых рук... а из современных ему изданий, статей знатоков и специалистов, чьи концепции так или иначе отражались в его сознании и, преобразованные или нет, затем отзывались в его художественной работе". {Ветловская В. Е. Достоевский // Русская литература и фольклор. Вторая половина XIX века. Л., 1982. С. 59.} Попробуем расширить круг "поистине необъятного материала", отражающего "взаимодействие художественной литературы и историко-филологической науки во второй половине XIX века". {Лотман Л. М. Русская историко-филологическая наука и художественная литература второй половины XIX века (взаимодействие и развитие) // Русская литература. 1996. No 1. С. 43.} Сопоставим роман Достоевского "Преступление и наказание" со статьей Ф. И. Буслаева "Повесть о Горе и Злочасти, как Горе-Злочаствие довело молодца во иноческий чин". {Буслаев Ф. И. Повесть о Горе и Злочасти, как Горе-Злочаствие довело молодца во иноческий чин // Буслаев Ф. И. О литературе. Исследования. Статьи. М., 1990. С. 164--260. Далее ссылки в тексте.}

Исследование ученого было написано в 1856 году, через несколько недель после открытия А. Пыпиным памятника XVII века, и сразу же напечатано в недавно начавшем издаваться "Русском вестнике" (т. IV, кн. 1--2), где через десять лет увидит свет и роман. Достоевский был прекрасно знаком с содержанием нового журнала. Так, в 1861 году, не принимая "ограниченную самонадеянность" этого издания, изменение направления и полемизируя с М. Н. Катковым, он вспоминал именно о первых номерах: "Мы сами, пять лет тому назад, встретили ваш журнал с радостью и надеждами... <...> Помню я это время, помню! Надо отдать справедливость... он и теперь, по некоторым отделам своим, один из самых лучших наших журналов". {Достоевский Ф. М. Ответ "Русскому вестнику" // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1979. Т. 19. С. 121. Далее ссылки на это издание в тексте с указанием тома и страницы.}

Приступив к работе над повестью "Пьяненькие", изображавшей порок пьянства и "все его разветвления", {Из письма Ф. М. Достоевского А. А. Краевскому от 8 июня 1856 года (7, 309).} затем создавая образ "чиновника с бутылкой" в "Преступлении и наказании", Достоевский не мог не думать об исторических корнях российского пьянства. Внимание писателя могла привлечь статья Буслаева, где "Повесть о Горе и Злочасти" исследовалась в контексте средневековой литературы, обличавшей "пьянство с его пагубными последствиями" (с. 172). Ученый обращал внимание на двойственную оценку в средневековых текстах "старинного порока, в течение столетий укоренявшегося" (с. 172). Прежде всего в жанрах поучения, слова, проповеди "благочестивые просветители" порицали пьянство как "веселье язычников", поэтому они связывали его с двоеверием русских, "принявших христианство, но не покинувших язычества" (с. 173). Отголоски тем и мотивов памятников, осуждавших пьянство как чувственную "забаву" "полуязыческого варварства", звучат в монологах Мармеладова, с их "наклонностью к витиеватой речи" (6, 13).

Аскетическая строгость "учительной литературы", сравнение пьяницы с "бессловесными зверями и скотами, не ведающими Бога", {"Слово некоего старца о подвиге душевном и пьянстве" (с. 174).} слышатся в самоосуждении нищего и страдающего героя, ищущего в пьянстве "скорби и слез": "...не можете ли вы, а осмелитесь ли вы, взирая в сей час на меня, сказать утвердительно, что я не свинья?" (6, 14); "Ну-с, я пусть свинья, а она дама! Я звериный образ имею..." (6, 14); "...такова уже черта моя. А я прирожденный скот!" (6, 15). Это самообличение подобно суровой позиции автора "Слова некоего старца о подвиге душевном и пьянстве": "Двойное бывает пьянство. Одно пьянство даже хвалят многие, говоря: то не пьяница, коли упивается да ляжет спать; а то пьяница, когда толчется, и бьет, и ссорится и ругается. Я же покушаюсь указать, что и кроткий, когда упивается, согрешает, хотя бы и спать лег; и недоумеваю, к чему его приравнять! Скотиной ли его назову, но и того он скотее; зверем ли его назову, но и того он зверее и неразумнее" (с. 175. Здесь и далее курсив мой. -- Г. С.).